

Летописец исчезнувшего мира. Артур Кольник (1890–1972)

В последние годы усилиями искусствоведов и коллекционеров возвращаются из забвения имена художников, родившихся на украинской земле, но волею судьбы заброшенных на чужбину. Вынужденная эмиграция для них вовсе не означала полного разрыва с национальными корнями, а тоска по утраченной родине зачастую становилась движущей силой и смыслом их творчества

«Скрипач» («Метаморфозы мелодии»). 1948 г.

Евгений СИВАЧЕНКО

«Девочка с
игрушечными
медвежатами»
Х., м., 1925 г.

Одним из таких художников был Артур Кольник — талантливый живописец и график, проведший первую половину своей жизни в Вос-

точной Галичине и Северной Буковине, а вторую половину — в далеком Париже, где его именовали «галицким Шагалом». В зарубежных изданиях Кольника иногда называют французским или польским художником, хотя сам он всегда и везде ощущал себя частью еврейского мира Восточной Европы.

Родился будущий художник 4 мая 1890 г. в Станиславе (ныне Ивано-Франковск), небольшом городке Восточной Галичины, входившей в то время в состав Австро-Венгерской империи. Семья была небогатой: отец работал бухгалтером в банке, а мать держала магазин по продаже платьев. Будучи образованными людьми и разделяя идеи еврейского Просвещения — Хаскалы, они поощряли в своих двух сыновьях интерес к иудаизму, но вместе с тем стремились дать им светское образование. Некоторое время Артур посещал польскую начальную школу, затем поступил в польскую гимназию, где и увлекся рисованием. Вопреки желанию родителей, протививших старшему сыну карьере врача, он в 1908 г. поступил на отделение живописи Краковской Академии художеств (КАХ), где вскоре стал одним из лучших учеников Ю. Мехоффера (1869–1946). Одаренный юноша неоднократно поощрялся на ежегодных конкурсах студенческих работ, а на старших курсах участвовал также в выставках краковского Объединения еврейских художников и скульпторов. Закончив в 1913 г. КАХ с серебряной медалью, молодой художник путешествовал по Галичине, собирая материал для своих картин, пока не началась Первая мировая война.

В первые же дни войны Кольник попал на фронт и вскоре был произведен в офицерский чин. После ранения он продолжил службу в столице Австро-Венгрии, где познакомился с

известным еврейско-австрийским живописцем И. Кауфманом (1853–1921), ставшим его наставником и покровителем в трудные военные годы. Благодаря содействию Кауфмана в 1916–1917 гг. Кольник смог посещать Венскую Академию изящных искусств, а незадолго до демобилизации даже устроил свою первую самостоятельную выставку в столичной галерее Gredlergasse.

После войны Кольник поселился в Черновцах, которые вместе со всей Северной Буковиной тогда же отошли к Румынии, и со временем стал весьма заметной фигурой в еврейской культурной жизни. С самого начала он входил в кружок энтузиастов еврейской (идишитской) культуры, возглавляемый литератором и педагогом Э. Штейнбаргом (1880–1932). Кольник сыграл видную роль в создании Культур-Лиги в Черновцах, долгое время был одним из руководителей ее художественной секции, участвовал в организации выставок, а также в издании литературы на идише.

Попав в благоприятную культурную среду, художник много и увлеченно работал: писал натюрморты, пейзажи, жанровые композиции и портреты; самостоятельно освоил искусство ксилографии; иллюстрировал первые издания басен Э. Штейнбарга («Сквозь очки», 1928; «Басни», 1932); пробовал свои силы в сценографии, декоративно-прикладном и монументальном искусстве. В 1918, 1922 и 1926 гг. он демонстрировал свои картины на выставках в Черновцах, а на рубеже 1920 и 1921 гг. вместе с художником Р. Рубином (1893–1974) устроил две выставки в Нью-Йорке.

Как вспоминал потом Кольник, в Черновцах он провел лучшие годы своей жизни, наполненные напряженной работой, творческой переработкой идей, воспринятых им в Кракове и Вене. Подобно многим художникам своего поколения, он еще со времени учебы в КАХ находился под влиянием живописного метода П. Сезанна, одного из основателей постимпрессионизма. Обладающий редким колористическим даром, Кольник искал выразительность не только в объемно-пространственной структуре композиции, но и в интенсивном цветовом решении полотна. Наглядное представление о его ранней манере дает очень трогательный и лиричный портрет «Девочка с игрушечными медвежатами» (1925), хранящийся ныне в Черновицком художественном музее.

В конце 1931 г., спасаясь от преследований румынских антисемитов, Кольник вместе с семьей переехал в Париж. Тем самым он повторил путь многих художников-евреев из Восточной Европы и, в частности, Украины, искавших в этом общепризнанном культурном центре не только

«Натюрморт с часами»
Х., м., кон.
1920-х гг.

новые пути и способы самовыражения, но также более комфортные условия для жизни и творчества. Независимо от степени самостоятельности и творческой зрелости все они испытали мощное влияние интернациональной художественной среды, которая вошла в историю искусства XX в. под именем Парижской школы (École de Paris).

Кольник приехал во Францию в то время, когда Парижская школа уже пережила свой «героико-романтический» период, а многие ее первопроходцы, такие как Пикассо, Сутин и Шагал, добились мирового признания. Вопреки ожиданиям, «столица искусств» встретила Кольника с присущим большому городу равнодушием. Да и сам он, поглощенный заботами о хлебе насущном и вынужденный на несколько лет забросить живопись, обходил богемные уголки Монмартра и Монпарнаса, оставаясь в стороне от кипевшей там бурной художественной жизни. А впрочем, такая отстраненность способствовала сохранению самобытности художника.

Первая половина 1930-х гг. стала переломным моментом не только в развитии творчества,

но и в процессе становления личности Кольника. Выброшенный силою обстоятельств из привычного и понятного ему мира, потеряв твердую почву под ногами, художник пережил глубокий духовный кризис, который впоследствии сам назвал драмой сознания. Лишь в 1935 г., произведя переоценку ценностей, Кольник вернулся к занятиям живописью и включился в художе-

«Ряженый
ребенок»
Х., м., 1930-е гг.

ственную жизнь Парижа. Вплоть до Второй мировой войны он был постоянным экспонентом Салона Тюильри, показывал свои произведения в Буэнос-Айресе (1935) и в Лондоне (1937).

Картины, написанные Кольником в Париже, и по стилю и по тематике сильно отличались от того, что он создавал прежде. Если в ранний период творчества художник лишь эпизодически обращался к национальной теме, то теперь он посвятил себя изображению повседневной жизни, традиций и быта евреев Восточной Европы. «Полотна этого периода представляют собой синтетические воспоминания, постоянно появляющиеся персонажи которых стали символическими, — писал французский биограф художника М. Готье. — К таким персонажам относятся старик, мать, ребенок, музыкант, раввин, нищий... С точки зрения сердца и разума, эти картины — все, что осталось от родной земли у еврея, оказавшегося далеко за пределами своей родины и потерявшего свое пристанище, свои излюбленные места, где он находил покой свободного человека...»

Картины Кольника — это вовсе не банальные этнографические документы. Стремясь акцентировать внимание зрителя на том, что для него было главным в картине, художник избегал чрезмерной детализации, допуская некоторыевольности: «Он увеличил размер глаз, чтобы усилить их выражение. Он изменил обычный порядок пропорций между туловищем и остальной частью тела, если хотел извлечь из этой диспропорции эффект оригинальной поэзии», — писал М. Готье. Персонажи Кольника имеют резкие очертания, выглядят угловатыми и неуклюжими, иногда карикатурными, но они вызывают понимание и симпатию.

Если в живописи Кольник выражал свои чувства спокойно и умеренно, то в ксилографии давал волю художественному темпераменту. По словам М. Готье, «его гравюры, выполненные на мрачном фоне, кажутся сотворенными из внезапных вспышек света, с резким рисунком, чем, в сущности, и достигается эффект наивысшей экспрессии». Оригинальный графический язык Кольника, основанный на напряженно-экспрессивных контрастах черного и белого, окончательно сформировался уже в Париже, где художник издал три альбома гравюр («Творения Гросбарда», 1933; «Под цилиндром», 1934; «Преобразования мелодии», 1948) и проиллюстрировал множество книг, преимущественно еврейских авторов.

В парижский период Кольник заявил о себе как выдающийся мастер станковой и книжной графики, причем за свои достижения на этом поприще он получил в 1952 г. международный Prix Chaban. Ксилография являлась самодоста-

точным, параллельным живописи направлением его творчества, хотя в некоторых сюжетах, мотивах и образах они пересекались между собой. Таков, например, Скрипач, которого можно назвать венцом национальных интенций Кольника. Художник неоднократно воплощал этот образ в ксилографии («Превращения мелодии») и по меньшей мере дважды — в живописи, а писатель М. Шпербер посвятил ему большое эссе «Скрипач Кольника», в котором определил значимость народного музыканта (клезмера) в еврейской традиционной культуре.

Большинство сюжетов и образов созданы силою воображения художника, навеяны воспоминаниями об утраченной родине. Присущие творчеству Кольника настроения ностальгии и меланхолии особенно ощутимы в его послевоенных произведениях. В годы Второй мировой войны в душе художника вновь произошел глубокий надлом, вызванный бессмысленным убийством миллионов его соплеменников, уничтожением самобытной еврейской культуры, которая была отправной точкой его развития, неиссякаемым источником его силы и вдохновения. Огонь Холокоста обжег и самого Кольника. Долгое время (1940–1944) он находился с женой и дочерью в лагере Ресебеду в Верхней Гаронне, а его единственный брат вместе с семьей погиб в Освенциме.

В послевоенные годы Кольник получил французское гражданство (1948), входил в Комитет Ассоциации еврейских художников и скульпторов Франции. В 1962 г. с большим успехом прошла его персональная выставка в парижской галерее Creuze. В 1967 г. известный критик М. Готье издал книгу о художнике — такой чести при жизни удаивались немногие представители Парижской школы. Своеобразным итогом творческой деятельности Кольника стала выставка в Тель-Авиве (Музей современного искусства) в 1968 г., на которой он представил 130 картин, гравюр и рисунков. В 1972 г. художник после продолжительной болезни скончался в Париже.

Творческое развитие Кольника трудно объяснить, исходя из привычных стилевых категорий, применимых к европейскому искусству XX в. В Париже он соприкоснулся с новыми художественными направлениями, такими как экспрессионизм, символизм, кубизм и примитивизм, но ни к одному из них не примкнул. Кольник везде и всегда оставался самим собой: «невозмутимо безмятежным и прилежным, верным своим идеалам, непоколебимым в своей вере, в любви к красоте, исполненным уважения к своей профессии и не стремящимся к наградам» (М. Готье). В его произведениях, наполненных проникновенным лиризмом, глубокой человечностью,

«Скрипач»
К., м.,
кон. 1940-х гг.

скрытым юмором и иронией, затрагиваются темы, общие для всех людей, независимо от их национальности и религиозных убеждений.

К сожалению, многое из созданного Кольником было утрачено во время скитаний и военных катаклизмов. Сегодня его картины можно увидеть в музеях Франции, Израиля, США и Польши, тогда как в музеях Украины он представлен лишь одной работой. Впрочем, все более возрастающий интерес к творчеству Кольника проявляют отечественные коллекционеры, а самым большим собранием его произведений обладает известный политик и меценат Александр Фельдман. Картины художника из этой коллекции экспонировались на выставках «Шагал и другие» в Харькове (2006), «Арт-Киев 2007» и на Большом антикварном салоне (2008) в столице Украины.

Иллюстрации предоставлены автором